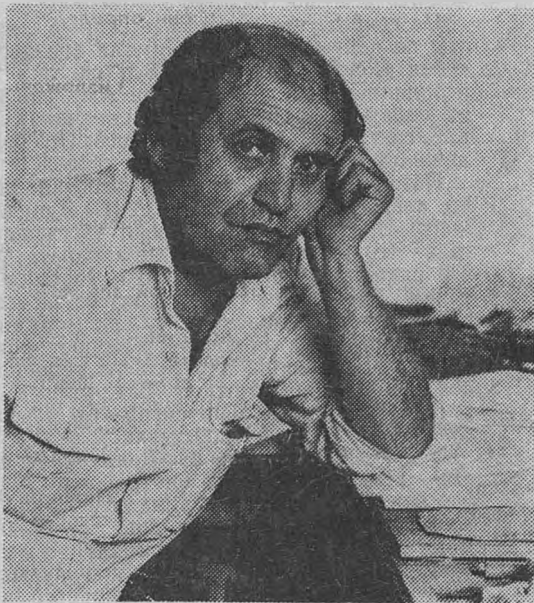

ПОРТРЕТ

«Я не ищу, я нахожу»

Что самое главное? Выдающийся театральный художник? Замечательный, надежный человек? Поразительная работоспособность? Снайперское ощущение материала? Отсутствие позерства, многозначительности? Чувство юмора? Цехового братства? Щедрость фантазии или самоограничение?

Все это — Давид Боровский. Его профессиональная и человеческая характеристики. Надо только убрать вопросительные знаки.

К ВОСХИЩЕНИЮ его талантом приращивается ощущение какой-то нелепой, конечно, с точки зрения сути и судьбы Художника, несправедливости, сопутствующей его общественно-бытовому положению, что ли. Конечно, он уже мастер, у которого есть множество учеников, последователей, оппонентов, и очень сильных. Конечно, он — авторитет, человеческий, профессиональный. Он из тех, кто вносит огромный вклад в дело развития отечественной культуры и делает это беззаветно, постоянно, отдавая все силы и талант. На похоронах его друга Володи Высоцкого говорили: умер народный артист, а он формально не был даже заслуженным. Я понимаю суетность этих размышлений, но жизнь есть жизнь. Ведь и Боровский даже не заслуженный.

Впрочем, к делу.

РАБОТАТЬ с Боровским — счастье. В него влюбляешься. Иногда говорю ему об этом. Смеется. Он, конечно, не балует. Занят нечеловечески. Это раздражает. Бесит. Умом понимаешь, но «сердце — не камень». Каждому режиссеру знакомо это особое чувство связи с художником. Сложные и прекрасные отношения. Чувство ревности и желание «обладать» им целиком тут занимают не последнее место. Но он занят. Постепенно примиряешься с этим.

Надвигается выход на сцену. Монтровки. Генеральная. Премьера, наконец. Его нет. Но заложенное им в разработку спектакля так масштабно, точно, безукоризненно выверено, что его самого может и не быть рядом. В результате — его победа и немного победа режиссера. Это, конечно, шутка, он никогда себя не противопоставляет, не выпячивает, чаще всего одна и та же ситуация: его недоиспользуют, но об этом позже. Главное — его совершенное знание предмета и совершенное угадывание того, что должно быть.

Способность эта работает часто против него. Режиссура успокаивается. Надежность его как профессионала высочайшего ранга такова, что порождает в нас леность и вялость: «Боровский выведет». Он мучается, злится. Он, как никто, понимает величие союза двух, трех, всех вместе. Его работа всегда предопределяется замечательным союзом режиссера, художника, композитора, талантливой, гибкой, подвижной группой артистов.

Он пережил и, мне кажется, переживает довольно горькие времена. Так случилось — уход из театра, из дома, где было все. Беззаветная любовь и беззаветный труд. В его годы уход — это драма. Он об этом не говорит. Очень сильный человек. Все по-прежнему. Он работает.

Он прекрасно слушает. Подолгу может слушать. Терпеливо. Ему важно, что у тебя за душой. Что у него за душой — начинаешь понимать по вопросам, которые он задает. Часто бываешь не готов к ним. Часто непонятно, почему он спрашивает одно и то же. Потом догадываешься — значит, я как режиссер не дочапаюсь до сути пьесы, а главное — до сути себя. Он вынуждает быть предельно искренним. «Но вот, что вас все же взволновало?». Этот вопрос для него — самый главный. Прodelав определенные «круги» по материалу, он снова и снова возвращается к этому вопросу, чтобы еще лучше понять и почувствовать режиссера. Конечно, в это время идет его огромная работа, возможно, намного большая, чем твоя. Тут есть и замечательный педагогический дар, которым он владеет безупречно. Он как бы вытягивает из тебя жилы, тем самым вынуждая природу режиссера напрягаться и до чего-то доискиваться. Он «открывает» очень мало вариантов, и кажется, что он уга-

дывает решение, сразу попадая в десятку. Потом мельком, находясь в его мастерской, можно увидеть: проворочена груда работы. И начинаешь понимать, почему нет «вариантов». Он почти не отдает ничего из того, что находит, потому что ему более, чем кому-либо, подвластна формула Пикассо: «Я не ищу, я нахожу».

Бывают ли у него провалы? По-моему, да. Но чаще всего испытываешь вину за «недоиспользование» этого художника.

ОН МНОГО видит и видел. Как-то так получается, что он знает почти все самые интересные макеты, которые сегодня в производстве. Сейчас к этому прибавилось знание лучших спектаклей мира. Поэтому он сам расширяет кругозор работающего с ним режиссера, причем он не то чтобы поучает или намекает, он просто рассказывает о том, что ему нравится. После очередного разговора с ним о горьковских «Зыковых» он очень деликатно, предварив целым рядом слов, но тем не менее спародировал то задание, которое я ему дал. Дело в том, что в последнее время он встречался с рядом активного работающего режиссеров, и оказалось, что мы все приблизительно хотим одного и того же и даже ухитряемся об этом говорить одинаковыми словами. Я хохотал, а внутри все обрывалось. И было очень не смешно оттого, что когда-то, в годы юности, я яростно знал, куда идти, какой театр был мне нужен в каждой пьесе, и как необратимо я изменился и постарел, как незаметно это пришло. Это был урок Боровского. Он, наверное, об этом и не догадывается. Сейчас я признаюсь ему благодарно. Надо только внутри себя этот урок сохранять.

В «Ретро» он построил квартиру. Это была наша первая совместная работа. Вот тогда он и поразил меня своим вниманием, своими бесконечными вопросами. Пришел в репетиционный зал Малого театра, смотрел, как артисты расставили мебель. Как они обжили комнату. Разговаривал с покойным Никитой Подгорным. Тоже чего-то выспрашивал. Что-то зарисовывал. И снова вопросы, вопросы. Что мы ставим? «Кориолана»? «Юлия Цезаря»? «Царя Эдипа»? Ах, милую, прелестную «комнатную» пьесу А. Галина?

Потом Боровский исчез. Потом — макет. Я ахнул. Это был мой дом. Дом моих друзей. Наш дом. Дом, куда захотелось сразу же войти, начать жить, остаться навсегда.

Конечно, динамический занавес «Гамлета» на Таганке войдет в учебники, в историю. Конечно, скромный интерьер «Ретро» в Малом театре скорее всего забудется. Но люди моей профессии знают, что такое интерьер. Знают, что это сложнейшая и глубочайшая художественная задача — создание интерьера в современном театре. Я утверждаю: работа Боровского в «Ретро» совершенна.

В «Восточной трибуне» все было просто. Все совсем не так, как в «Ретро». Мы приехали в «Современник» поздно вечером. Очень короткий разговор. Должна быть трибуна. И все. Восточная. Наша. Из нашего детства. Стадионы нашего детства. Как они назывались? «Локомотив», «Пищевик», «Урожай». Маленькие, деревянные, единственные. Сейчас они, выветренные ветрами времени, разрушаются в наших городах, заброшенные, забытые, потерявшиеся среди бетона и стекла олимпийских комплексов, но для нас они — наши «парфеноны», наши «пергамские алтари»...

Через несколько дней был макет, который через несколько месяцев стал декорацией, не претерпев ни одного, даже микроскопического изменения.

Потом еще один дом появился в «Зыковых». Но уже совсем не такой, как в «Ретро». Опять работа складывалась трудно. В начале зацепились за Чехова. За чеховскую интонацию в пьесе. Может быть, это дом Лопахина? Вернее, усадьба Раневской после того, как купил ее Лопахин? Поначалу это очень увлекало.

Но Боровский подвел черту: «Дома Целованьевых не будет. Будет один дом. Русский дом этого времени». И создал этот дом. Дом, настоящий на трагедии. Дом, где произошло несчастье».

Отсутствие дома Целованьевых произвело шок на многих участников спектакля. Надо было приложить немало усилий, чтобы убедить артистов в том, что напряженная, беспощадная внутренняя жизнь людей должна «перекрывать» кажущуюся необходимость создания бытового конкретного мира, на первый взгляд заложенного автором: «скупная комната небогатого мещанского дома» — «широкая терраса барского дома». Нет, вся история в одном доме. В доме русской действительности между первой русской революцией и первой мировой войной.

Теперь — «Колея» В. Арро. Очень тяжело все идет. Опять я ему верю больше, чем себе. Опять я надеюсь.

...В картинных галереях мира не висят его полотна. Его скульптуры не украшают города. Он — театральный художник. Он просто любит театр. И мы все за это низко ему кланяемся.

Леонид ХЕЙФЕЦ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

● Художник Д. Боровский.
Фото В. Плотникова.